75 дней в С.С.С.Р.

К. БОРИСОВ

75 ДНЕЙ В С.С.С.Р.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

ИЗДАНИЕ АВТОРА

БЕРЛИН 1924

Печатано в типографии Трович и Сын в Берлине.
Druck von Trowitzsch & Sohn in Berlin.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Эта книжка сложилась не на парижских и берлинских тротуарах, а во время долгих блужданий по Москве, на гранитной набережной Невы, около стен Троицкой Лавры...

И в этом ее главная ценность.

Русская эмиграция, в большинстве покинувшая родину еще в 1918—19 гг., при словах »советская Россия« невольно вспоминает голод и холод, сыпняк, вселения и выселения, че-ку, нудную службу в бесчисленных сов. учреждениях днем, обыски и аресты по ночам, экспедиции за картошкой, »мандаты«, заградительные отряды и пр. и пр.

Эти свежие еще впечатления естественно заглушают в эмиграции те глухие и противоречивые сведения о нэпе, о новой нынешней России, которые скудно просачиваются заграницу.

Письма родственников »оттуда« — полные жалоб на тяжелую жизнь, да русские зарубежные газеты — вот почти единственные источники сведений о современной России. Газеты эти полны выдержек из сов. печати, но »по тактическим соображениям« только таких, которые характеризуют лишь мрачные стороны сов. жизни (точь в точь, как сов. газеты о Зап. Европе ничего, кроме как о кризисах и забастовках сообщить не могут!) Неудивительно, что какая то несуществующая утопическая страна вытесняет в эмиграции образ далекой России.

Никто в России не смотрит на нынешнее положение, на нэп, как на нечто твердое, окончательное; для всех это только »передышка«. Но одни видят в нэпе этап на пути к полному коммунизму, другие считают, что страна неизбежно эволюционирует в сторону восстановления капиталистического хозяйства. Кто прав в этом споре?

Чтобы правильно ответить на этот вопрос, может быть надо обратить свои взоры на Запад, а не на Россию. Один из основ-

ных законов физики гласит, что в двух сообщающихся сосудах жидкость стоит на одном уровне. Этот закон применим и к жизни государств.

В России, в конце концов, сложится тот строй, который укрепится на Западе. И обратно — русская революция не пройдет бесследно для Зап. Европы.

В этой книжке я пытаюсь дать ряд бытовых картинок — почти моментальных фотографий с жизни современного русского города и деревни.

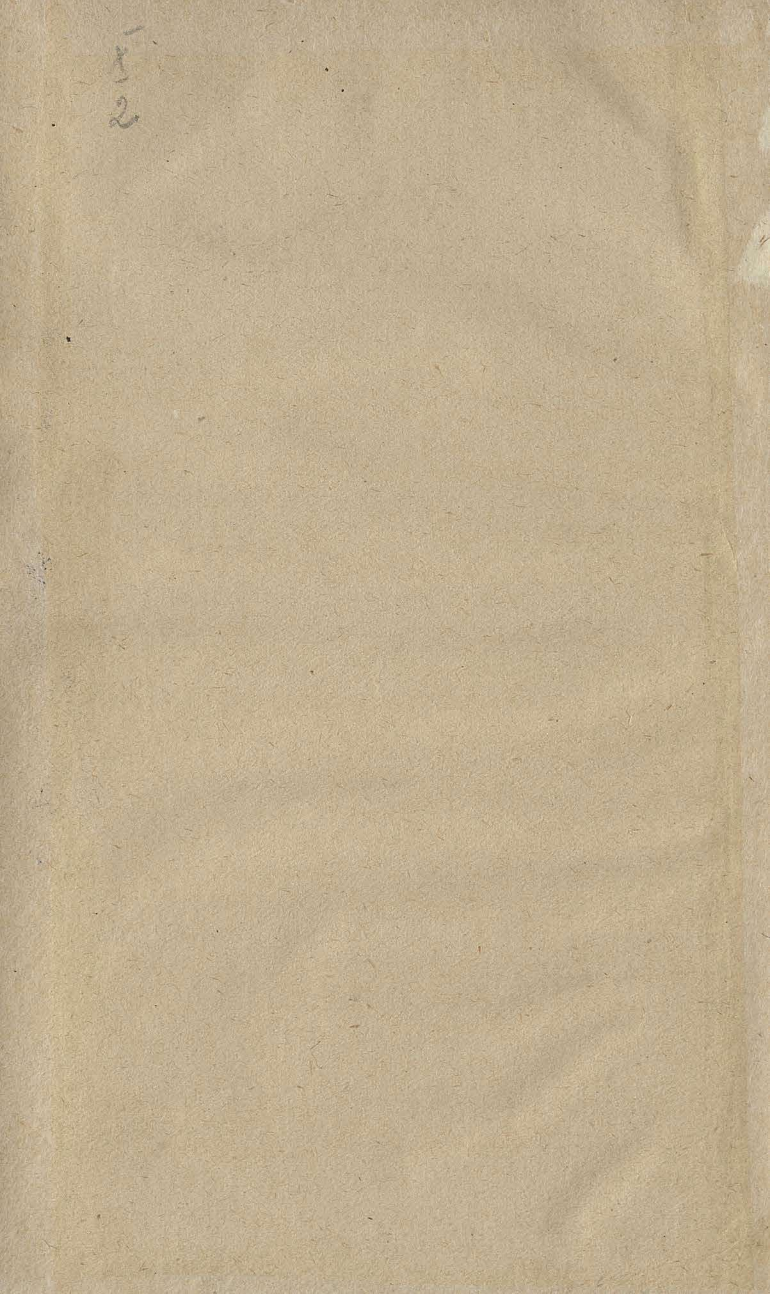
Выводы пусть каждый сделает сам.

Но одно хотелось бы мне отметить.

Городовые на углах, »Эрмитаж-Оливье« в Москве, Европейская Гостинница в Петрограде, бега, клубы — итак все по старому? О, нет! Все совсем не по старому! Все по новому! И даже то старое, что вновь воскресло, оживает в иных, в новых формах. И к счастью! Слишком было бы печально, если напрасно были пролиты в тяжелые годы гражданской войны море крови и реки слез и Россия снова бы вернулась к разбитому корыту! Но сейчас этого опасаться уже

больше не приходится. Даже и невнимательный наблюдатель, даже рядовой иностранец сразу же замечают, что в России складывается новая жизнь, новый общественный уклад, подобного которому еще не знает мир. Человечество неудержимо стремится к лучшему будущему, к установлению социальной справедливости. Волею судьбы на Россию выпала историческая миссия заложить основы этого нового строя. Мертвых не воскресить и теперь, когда неисчислимые жертвы все равно уже принесены, только одна задача может быть перед русским народом — по ту или по эту сторону границы — в неустанном мирном труде строить Новую Россию.

75 ДНЕЙ В С. С. С. Р.

Рига. Орловский вокзал. Вечер. Медленно подают московский поезд: большие грузные вагоны с надписью — »Р. С. Ф. С. Р.« — первый привет из России. Вагоны старые, мрачные; внутри определенная и откровенная грязь. Проводник в ветхом оборванном кителе. Белья не дают, а до Москвы предстоит провести в этом вагоне две ночи. Каково же там, в России, если даже эта линия, путь в Зап. Европу в таком состоянии! Ведь это первое, что бросается в глаза иностранцам! Свисток. Вздрагивают вагоны... В Москву!

На утро последняя латышская станция — Зилуппе. Довольно жалкие станционные постройки. Вокруг унылый лесной пейзаж. Последняя проверка паспортов и поезд трогается. Через несколько минут я в России.

Медленно движется поезд. Зачем то останавливается, снова идет... Вот и граница—на-

право и налево, насколько видит глаз, глубокий ров, широкая просека через лес. Над ж.-д. полотном большая деревянная арка: Серп и Молот, »Привет рабочим Запада«. Около арки сторожевой пост — первый красноармеец! Поезд останавливается, латышская охрана передает поезд русским. В вагон входят представители советской власти и отбирают паспорта. Во главе отряда тучный военный, с надутым сердитым лицом — типичный представитель пограничной охраны; на бархатной петличке три многозначительных буквы: Г. П. У. Поезд снова трогается и минут через десять подходит к станции Себеж.

Итак я в России. Впечатление от переезда через границу? Никакого. Вспоминаю, что прежде я с волнением думал об этом моменте. А оказалось все очень, очень просто и обыденно. Отчасти объясняется это тем, что фактически границу по прежнему переезжаешь между Эйдкуненом и Вержболово. Там сразу бросается в глаза разница в постройках, в одежде, обычаях: западная и русская культура. В Вержболове русский буфет-борщ, водка, черный хлеб, русская речь. А пограничные латвийские станции — Режица, Зилуппе — такая же Россия, как и Себеж. Тот же пейзаж, теже люди. Таким образом понемногу привыкаешь к России и незаметно

входишь в нее. А советская власть, Р.К.П., третий интернационал—внешне, до Москвы это не ощущается. Таможня, как таможня; осмотр поверхностный и очень корректный. Паспорта, уже проверенные, приносят в вагон; в обращении все очень вежливы и предупредительны. Поезд в Себеже стоит долго, можно пойти в буфет и пообедать. Станция маленькая и тесная. Строители дороги, конечно, никогда не предполагали, что здесь когда то будет граница между Зап. Европой и Россией. Лишь таможня и еще какая то будка устроены заново.

Сажусь обедать. Борщ, битки по казацки; просто, но из хороших продуктов. Подсчитываю и убеждаюсь, что цены, вопреки заграничным предсказаниям, совсем дешевые (что то около сорока копеек золотом), черный хлеб бесплатно.

На голод совсем не похоже!

Солнечный весенний день. Поезд идет очень медленно и на сравнительно небольшое расстояние Себеж — Москва (570 верст) приходится потратить двадцать часов. И раньше здесь поезда ходили медленно, Александровская дорога расчитана была главным образом на грузовое и местное движение, а не на международные экспрессы. С любопытством гляжу в окно вагона. Места бедные, глухие. (Витебская, Псков-

ская, Тверская губ.) Но особых разрушений не видно. Напротив, кой где мелькают новые постройки, на полях, сверх ожидания, видно много скота, крестьяне усердно пашут. Мелькают станции: Идрица, Пустошь, Ново-Сокольники, Великие-Луки — все исконно русские места. На станциях поезд стоит долго, есть время выйти и погулять. У вокзала толпы любопытных крестьян; внимательно и с интересом осматривают с ног до головы. Повидимому я для них выходец с того света. Бросаются в глаза сытые, довольные лица и ободранная одежда. Тут же прогуливается местная интеллигенция: барышни телеграфистки, какие то реалисты и представители власти — сотрудники ж.-д. Г.П.У. в роскошных галифэ, с хлыстиком в руках и презрительно-снисходительной улыбкой на лице. Повсюду ларьки с продовольствием: хлеб, колбаса, сыр, молоко, пряники, баранки. Цены дешевые. И, конечно, семячки, семячки, семячки без конца...

На следующее утро проезжаем Ржев, Волоколамск, Ново-Иерусалимскую... Подъезжаем к Москве. Вдруг мне бросается в глаза крестный ход: по шоссе быстро, быстро идет несколько священников и человек двадцать мирян; ветер красиво развевает хоругви.

— А, поповцы! — говорит стоящий рядом со мною проводник.

— Что же мало народа? — спрашиваю я.

— Ну теперь не то, что прежде; теперь народ прояснился, — отвечает он.

Крестный ход скрывается из вида. Мелькают дачи. Вдруг виден трамвай — мы въезжаем в Москву. Еще несколько минут и поезд останавливается на Виндавском вокзале.

Как и прежде, первое, что слышно это возгласы — носильщик! И как и в старое время со всех сторон появляются степенные носильщики в опрятных белых передниках. Никаких проверок паспортов и т. п. формальностей на вокзале нет. Сажусь на извощика и еду в город. Извощики, как и прежде, достаточно грязные и примитивные. Москва! Первое впечатление — печальное. Повсюду грязь, бедность, безпорядок. Праздничный день. Вокруг много пешеходов; но внешне толпа серая, бедно одетая. Много магазинов; на каждом шагу трактиры и пивные, читаю старые знакомые надписи: »Свидание друзей«, »Перепутье«, »Есть бельярды и крупные раки«... Подъезжаю к Сухаревке. Вот уж действительно море голов! Ларьки, товары — все тонет в волнующейся, шумящей людской массе. Всюду видна милиция. Еду дальше —

Лубянка, Г.П.У. Дом как дом, ничем особенно не примечателен. И многочисленные пешеходы проходят мимо не обращая на дом никакого внимания. Но вот и стены Кремля. Но все кажется каким то захудалым, убогим... Вспоминаю, что кто то из великих русских писателей говорил, что каждый раз, возвращаясь из за границы в Россию, он приходил в отчаяние от русской грязи и бедноты; хотелось ему всегда повернуть обратно в Европу.

В течении первого же дня я навестил своих московских знакомых. Мрачное настроение мое еще усилилось. В ужасной обстановке приходится жить в Москве! Там даже не квартирный кризис (о квартирах вообще и говорить не приходится), а комнатный, причем и комнату обычным путем достать почти невозможно. Вызвано это совершенно невероятным переполнением города, сверх всяких норм. Приезжий человек, неимеющий в Москве сердобольных знакомых в буквальном смысле слова должен ночевать на улице. И вот в результате люди ютятся по углам (по норме на человека полагается 16 кв. аршин, однако и эта норма оказалась слишком щедрой и ее хотят еще уменьшить). Одно из последствий такой скученной жизни — грязь и безпорядок и, что самое главное, население настолько привыкло к этому, что как будто не

замечает, в какой грязи оно живет. Давно немытые окна, паутина в углах — казалось бы все это не трудно привести в порядок, но, очевидно, это считается излишним. В пережитые тяжелые годы было действительно не до того, но теперь, когда все снова ожили, пришли в себя, казалось бы нетрудно навести вокруг себя элементарный порядок, но... Из Москвы, из Москвы! Обратно в Европу! Как нибудь закончу на скорую руку свои дела и обратно! К тому же и погода мрачная, холодная. Кой где белеет еще снег; а на Западе уже отцвели фруктовые деревья!

Но вот проходит день, другой и что же? Московская обстановка уже не гнетет меня более. Напротив, все сильнее и сильнее привыкаю к окружающему. Внимательнее всматриваюсь и вижу — все это свое, родное. И странными кажутся все эти годы, проведенные на Западе. Чистые асфальтовые мостовые, нарядная уличная толпа — все это уплывает куда то в даль и исчезает из памяти. Ведь и раньше было здесь грязно, тесно, бестолково и, тем не менее, безконечно мило. И с такой тоской вспоминал я за границей именно это, такую Россию. Шумную и убогую.

Никакой особой роскоши (как об этом любят рассказывать за границей) вы в нынешней

Москве не найдете. Напротив, все очень скромно, бедно. Конечно, часа в 4—5 можно встретить на Кузнецком Мосту дам в роскошных бриллиантах и мехах. Но это единичные случаи и смотрят на этих дам так, что право же завидовать им не приходится. И во вновь открытых дорогих ресторанах роскошь выражается лишь в высоких ценах. В сущности только »Эрмитаж-Оливье« содержится безукоризненно — чистые скатерти, хорошая посуда, вежливая и опытная прислуга. А »элегантность« остальных ресторанов говорит лишь о том, как понизились требования москвичей. Все очень бедно одеты, ходят обтрепанные, в костюмах до-революционного времени. Цены на вещи — одежду, обувь совершенно недоступные и все вынуждены донашивать старое. Впрочем есть и новшество — »толстовки« (френч из грубого холста). В таких »толстовках« летом щеголяло чуть ли не все мужское население столиц. Из обуви очень популярны сандалии, что тоже не совсем привычно европейскому глазу. Женщины одеваются лучше мужчин—из ситца, из дешевых материй им все же удается смастерить себе нечто »модное«. Вообще вопросы моды очень интересуют столичных дам и модные журналы ценятся на вес золота. Я неоднократно попадал впросак, не будучи в состоянии ответить на вопрос—какие юбки носят сейчас за границей: широкие или узкие! Есть что то трогательное в этом стрем-

лении сохранить связь с Зап. Европой даже в таких пустяках; несмотря на все препятствия, на все трудности современной русской жизни.

Движение на улицах большое. Много извощиков, безпрестанно, с каким то диким свистом проносятся казенные автомобили и, что меня особенно поразило, ломовики, ломовики без конца. Огромные сильные лошади вереницей тянут тяжелые возы. Откуда они? Как уцелели в таком количестве? Очень много трамваев и содержатся они в образцовом порядке. Вагоны заново отремонтированы, а то и просто новые, причем последние обычно носят какие нибудь торжественные названия — »Красный Октябрь«, »1-ое мая 1923 года« и т. д. Эти вагоны украшены не очень грамотными изображениями рабочих и крестьян, солидарно пожимающих друг другу руки. Пути усиленно ремонтируются, меняются рельсы; есть даже новые линии. Плата за проезд высокая (средний участок около 10 коп. золотом), но тем не мене вагоны переполнены. За нарушение пассажирами правил движения (вскочил на ходу, закурил в вагоне и т. д.) на месте же, немедленно взимается штраф, особенным усердием отличаются женщины-кондуктора.

Москва ремонтируется. Чинятся мостовые, кой где окрашивают дома. Но сравнительно с тем, что нужно было бы сделать — весь этот ремонт совершенно недостаточен. Но в России сейчас это расценивается иначе, смотрят на это другими глазами. После ужасных 1919—1920 гг. каждый, даже небольшой успех на хозяйственном фронте расценивается, как нечто необычайное. На Кузнецком Мосту бросилась мне в глаза на одном доме памятная доска, гласящая, что этот дом восстановлен собственными средствами в 1922 г. московской конторой Госстроя. Стороннему человеку смешно, что простой ремонт дома возведен в событие, но москвичи серьезно считают это достижением.

Внимательно всматриваясь в окружающих убеждаюсь, что народ стал интеллигентнее, все читают газеты (откроешь в трамвае газету — обязательно сосед обратится с просьбой: »Разрешите взглянуть на другую половину.«), лица у всех серьезные, видно, что многое пережито и случалось задумываться над тем, что прежде и в голову не приходило. Значительно реже слышна на улицах всероссийская ругань. О политике почти не говорят — не потому что запуганы и боятся, а надоело, все уже сказано, все всем ясно...

Первый вывод, который делаешь в России: страна обеднела, раззорена, но сыта (»хлебом передохнула, а хозяйством еще нет«). И это относится не только к столицам, но и ко всей России, за очень редкими исключениями.

Магазинов в Москве много и как будто торгуют они не плохо. Особенно гастрономические магазины, булочные и кондитерские. Продовольствие не дорого и, главное, общедоступно. Особенно дешев хлеб, видный всюду в громадных количествах. На приезжего из за границы большое впечатление производит булочная Филиппова на Тверской. Чего, чего там только нет! Хлеб черный, рижский, полубелый, ситный, простой, ситный с изюмом, булки всех видов, чуть ли не двадцать сортов сухарей, баранки, пирожки, пирожные! Одних пирожных отделение на Тверской выпекает около 3000 в день. И все это немедленно распродается. Ошибочно думать, что покупателями являются лишь представители процветающего Нэпа. Нет, положительно вся Москва проходит мимо этих прилавков.

Зато вещи доступны лишь обладателям шальных денег. Жалованье служащим хватает лишь на жизнь, т. е. на продовольствие и квартиру (последнее почти бесплатно). Остается еще излишек на папиросы и на кинематограф. Но приобрести себе костюм уже невозможно, ибо максимальный оклад советского служащего —

около двухсот рублей золотом, в то время как костюм стоит двести пятьдесят!

Но еще далеко не все устроились. В сущности только та часть интеллигенции не бедствует, которая попала в »спецы« или торгует. Положение же профессоров, литераторов за редкими исключениями тяжелое.

Только самые выдающиеся среди них живут сносно. Профессор московской консерватории получал в мае сего года около десяти рублей золотом. Конечно, он существовал не на эти десять рублей, а частными уроками, но и эти уроки давали ему возможность только, только сводить концы с концами. Артисты были одно время баловнями сов. власти, но эти времена прошли — финансовый кризис заставил сократить до минимума смету Наркомпроса и большинство оказалось выкинуто на улицу. Пенсионеры, вообще старые люди, определенно обречены на вымирание, поскольку они еще не умерли. И действительно в Москве бросается в глаза отсутствие стариков и старух. Но в целом население России питается как в мирное время, и уже год — полтора живет не распродавая своих вещей. И еще один прогресс важно отметить: все снова занялись своими делами, работают по специальности — сапожники шьют сапоги, булочники выпекают булки, инженеры строят и т. д. Даже многочисленные уличные торговцы, газетчики — все старые профессионалы.

Более того, даже нищие и те, видно, не первый год занимаются выпрашиванием подаяния и приплелись в Москву от ворот многочисленных, ныне опустевших монастырей.

Более чем когда либо на Москве заметен сейчас налет Азии. В чем это выражается? Трудно сказать; но это сразу же бросается в глаза.

Не только в центре, но и на окраинах чрезвычайно оживленно. Люди, люди без конца; волнуются, толкаются, спешат... Куда они бегут? Зачем? К чему такая спешка... Это не здоровое оживление, настоящей деловой жизни нет, т. к. русская промышленность пока еще мертва. Это надо прямо и честно признать. Правда раззорение и расхищение прекратилось, остатки имущества расставлены по своим местам и охраняются. Это, конечно, большой шаг вперед, но главные трудности еще придется преодолеть. Для восстановления русской промышленности нужны громадные капиталы; в России их нет, они придут из за границы, но совсем не на тех условиях, как это себе представляет Главный Концессионный Комитет и др. высокие учреждения. К сожалению советская власть до сих пор еще тешит себя легкомысленными

иллюзиями — стоит только кликнуть клич и иностранные капиталисты понесутся в Россию. Совершенно не знают и не понимают, что и на Западе ищут капитал и что там, уже сейчас, можно сколько угодно найти дел в обстановке мирной и спокойной и на значительно более льготных условиях, чем те, которые предлагает сов. правительство. Мне приходилось много беседовать на эту тему с ответственными руководителями сов. власти и прямо поражаешься тому наивному невежеству, которое проявляли они в этой области. Да и откуда им это знать? В самое последнее время замечается некоторое прояснение, но еще совершенно недостаточное.

Понадобилось мне разменять доллары. — »Идите на черную биржу, там выгоднее чем в банке« — советуют мне знакомые. Иду. В Верхних Торговых Рядах часть помещения обнесена глухим забором. За забором святая святых — ежедневно утром, примерно от 11—1 здесь собираются жулики и мошенники со всей России; это и есть черная биржа (легальная, есть и другая — нелегальная, около Ильинских ворот). Около ограды столик, за столиком сидит какая то личность и красноармеец с винтовкой — продают входные билеты. За вход за ограду берут солидную плату — около рубля золотом. Беру билет, согласно коему: »Гражданину та-

кому-то предоставляется право производства подвижной торговли предметами роскоши, а также и предметами, поименованными в запретительной росписи (!), в течении одного дня.« Вхожу за ограду: »Беру доллары, кто дает доллары?« — »Золото, золото покупаю!« — »Беру Хлебный Заем!« — »Даю червонцы!«...

Я вытаскиваю из кармана доллары. Моментально меня облепляет толпа подозрительных личностей — тут и »толстовки« и студенческие фуражки и какие то дамы с ридикюлями. На скорую руку меняю доллары, крепко держу карманы и убегаю. Еще при мне эта »биржа« была ликвидирована и все окончательно переселились к Ильинским воротам. Что там творится трудно описать! С раннего утра до поздней ночи толпа шумит и гудит в сквере около памятника. Вокруг памятника все черно — вот уж действительно »черная« биржа! Стыдно подумать, что все это сборище негодяев имеет какое то влияние на финансовое положение России! И тем не менее, даже правительственные тресты продают свою валюту не через Госбанк, а на черной бирже. И любопытно отметить разница на курсах в банках и на черной бирже — ничтожная.

Червонцы пользуются в России большой популярностью. На золото или на червонцы ведутся все расчеты. Обезпечен ли червонец зо-

лотом? Или только »Капиталом« Маркса? В России этот вопрос мало кого интересует, т. к. червонцы настолько всем нужны, что »если обезпечения и нет, его надо выдумать«. Рубль падает безпрестанно, но довольно равномерно и его падение можно учесть вперед. Иностранная валюта в обращении только в столицах (существует свободная покупка и продажа валюты). Но смешно сказать, червонцы в России положительно вытесняют фунты и доллары. Спекуляция червонцами, валютой, хлебным и выигрышным займом процветает во всю. В конце июня в России червонец стал цениться дороже фунта. Говорили, что Английский Банк лопнул... со смеха, что червонец дороже фунта. Еще острили, что Россия страна не кредитоспособная, а кредитоталантливая.

Принято считать нэпмана синонимом спекулянта. Но это совсем не так. Нэпман, нэпману рознь. Лица утром »дающие золото« и »берущие доллары« и в конце концов кучами загребающие деньзнаки и червонцы, с тем, чтобы вечером все это просадить в »Эрмитаже« или »Праге« — это лишь накипь Нэпа. Таких к сожалению много, слишком много, но всеже это лишь пенка, а в большинстве нэпманы серьезные торговцы, а в последнее время и промышленники новой формации. Обороты рознич-

ной торговли в сущности очень невелики, а принимая во внимание высокое налоговое обложение и большую арендную плату — прямо таки недостаточны. К тому же власть смотрит на торговцев, как на налетчиков и не без основания, так как торговать »налетами« (т. е. открыть магазин, проторговать месяц — другой и ликвидировать дело, с тем чтобы, не уплатив налоги, открыть через пару месяцев другое дело на другом углу) вошло в обычай. Но на ряду с розничной торговлей в России процветает большая торговля сырьем внутри страны. Оптовая торговля обычно находится в руках старых торговцев, вновь представляющих собою класс, с которым приходится считаться. Интереснее нэпманы промышленники. Здесь на сцену появились новые люди — бывшие управляющие, прикащики, техники, бухгалтеры и т. п. Выступают они в качестве арендаторов небольших предприятий, изредка строят новые. Все это народ крепкий, ядреный, который так легко не уничтожить. Все они прошли сквозь огонь, воду и медные трубы; их ничем не удивишь и ничем не испугаешь. Ко всему они приспособились и всегда выходят сухими из воды. Все они уже имеют »связи« — во Внешторге, в Наркомфине, в Г.П.У. — словом всюду, где нужно. Нынешний строй их не удовлетворяет, им нужны »реформы«, большая свобода действий, отмена всевозможных рогаток и, любо-

пытно, персональные изменения в правительстве, которым они придают чуть ли не главенствующее значение. Но свержение сов. власти они не желают, это не в их интересах, т. к. это одновременно явилось бы и уничтожением всех их нэпмановских завоеваний. Сов. пресса (а значит и сов. власть) травит нэпманов во-всю. А эти самые нэпманы (и далеко не лучшие из нэпманов) сейчас в России единственные серьезные потребители и с их вкусами трестам приходится очень и очень считаться и ради них перестраивать все свое производство. Так например в отчете государственных кондитерских фабрик читаем: »В начале своей деятельности Моссельпром (московское объединение) в кондитерском производстве строил свою программу по до-нэповскому образцу. Главное место в этой программе отводится так называемым »народным сортам«, составлявшими 90% всей выработки. В марте 1922 г. в связи с общим кризисом на почве понижения покупательной способности населения, сокращается спрос на кондитерские изделия массового потребления... Но одновременно с понижением спроса на массовые сорта, все более увеличивается спрос на более дорогие изделия т. н. розничные сорта, производство которых постепенно расширяется — от 10% по отношению к общей выработке в марте до 50% в сентябре.« В отчете текстильных трестов читаем: »При сравнении продукции

шелковой промышленности с таковой за 1920—1921 гг. выявляется успех, которого достигла в условиях новой экономической политики эта отрасль текстильной промышленности, бывшая раньше в загоне, но имеющая не малое значение в народном хозяйстве.« В отчете объединения »Жиркость« говорится: »Успешнее всего развивается парфюмерно-косметическое производство. Объясняется это тем обстоятельством, что на более дешевые фабрикаты — хозяйственное мыло, стиральный порошок, свечи и т. д. —существует серьезная конкуренция со стороны кустарей, мелких заводов и провинции и в общем на эти продукты спрос ниже чем на более дорогие сорта мыла, парфюмерию и косметику.«

Словом схватив за горло нэпмана с Кузнецкого Моста и Петровки сов. власть душит своего главного покупателя.

Иностранцы в России. Их много в Москве, меньше в Петрограде и почти совсем нет в провинции. Больше всего немцев; затем американцев, англичан, скандинавцев, теперь появляются и французы. Что им надо? Во первых это лица официальные и полуофициальные — всякие миссии, делегации и т. п. Их задачи чисто информационные. Затем идут предста-

вители о-в, работавших раньше в России — их цель ознакомится с состоянием их бывших предприятий и сделать попытку вновь подойти к ним. В третьих — всевозможные дельцы, думающие только о том, чтобы что нибудь »хапнуть« и исчезнуть с горизонта. Они смеются, когда им предлагают концессии на 99 лет, им нужны дела максимум на 99 дней!

В четвертых — купцы, которым нужно русское сырье. Ради этого организуются смешанные торговые общества задача коих — поменьше вложить, побольше вывести. К восстановлению русской промышленности эти иностранцы относятся по понятным причинам определенно враждебно. Так, по мнению одного известного германского промышленника, в России возможно лишь следующее »производство« — распиливать на части машины петроградских заводов и полученый лом вывозить в Германию...

Наконец идут просто любопытные туристы: — Зачем вы приехали сюда? — спросил я одного американца.

— Посмотреть, пока не поздно, на социалистическое государство.

А один видный немецкий комерсант, часто навещающий сов. Россию, мне прямо так таки и сказал: — Другие едут в Россию делать дела, а я отдыхать.

Коммунисты, стоящие во главе хозяйственных органов, т. н. »хозяйственники«, поскольку они не принадлежат к числу старых партийных деятелей, а вышли из рабочей среды, мало по малу привыкают к новому делу, учатся, насколько могут, и из них может выйти толк. О коммунизме у них представление самое туманное и никакие противоречия нынешнего хозяйственного строя России их не пугают. Но по истине трагично положение старых партийных социалистов вынужденных снова вводить в России капитализм, словом заниматься делом им в высшей степени чуждым, противным и, с точки зрения марксизма, безнравственным. Понятно, что они не в состоянии с увлечением отдаваться этой работе. Это трагедия, над которой стоит задуматься.

Как не оспаривают это за границей, сов. власть проделала большую работу в области восстановления транспорта. Если вспомнить состояние ж.-д. в 1919—1920 гг. то просто удивительно, как быстро удалось преодолеть ж.-д. разруху. Конечно, ж.-д. еще далеко не в идеальном порядке, но нынешнее состояние транспорта вполне удовлетворяет нынешним потребностям населения. Товарное движение невелико, но пассажиров передвигается довольно много. Несмотря на высокую плату (напр. спальное

место Петроград — Москва стоит около 18 рублей золотом, »жесткое«, т. е. третий класс — половину) поезда полны, но переполнение не допускается — езда на буферах, крышах и т. п. отошла в область преданий. На вокзалах порядок, чистота (посколько это возможно в России!) Поездов достаточно, ходят — минута в минуту. В скорых поездах опять появились вагоны б. международного о-ва, вагоны рестораны; скорость приличная (Петроград—Москва 14 часов). Пути усиленно ремонтируются, посколько это позволяют скудные средства Н. К. П. С.

У советских деятелей один большой недостаток — им все хочется осуществить тотчас же, сию минуту, не вставая со стула. А когда выясняется, что это физически невозможно—интерес к делу у них пропадает и все откладывается в дальний ящик. И еще один недостаток — считать себя непогрешимыми и не терпеть противоречий. Это, впрочем, относится больше к низам, наверху критика допускается. Ленин, например, постоянно »каялся« в совершенных ошибках.

Кстати о Ленине.

Он безусловно пользуется большой популярностью и даже любовью в широких кругах на-

селения. Искренно жалеют, что он болен и не у дел. Даже в самых анти-советских кругах и то говорят: »Все же он лучше других...«

За границей создалось совершенно ложное представление о какой то чрезвычайной охране, которой окружены вожди Р.К.П. На моих глазах Троцкий, Дзержинский, Бухарин, Каменев, Зиновьев — свободно гуляли по Москве и Петрограду. Внешне, для совершения террористических актов никаких препятсвий. И, если они все же не имеют мест — значит есть какие то другие, более глубокие причины тому. И в тоже время нельзя отказать лидерам коммунистов в личной храбрости.

Очень скоро бросается в глаза, что никакого религиозного подъема в России нет; очень может быть, что он имел место в 20—21 гг., но сейчас об этом не может быть и речи. В сущности и раньше в народе было больше суеверия, чем настоящего религиозного чувства, да еще считали необходимым соблюдать обряды (ведь надо же детей крестить, венчаться, покойников хоронить!). В общем, такое же положение сохранилось и сейчас — содержат священников, ремонтируют церкви, по праздникам (особенно в хорошую погоду) ходят в церковь. Но отношение к духовенству — снисходительно-пренебрежительное, невенчанные встречаются

часто. Особенно радикально настроена красноармейская молодежь. О »живой церкви« в деревне ничего не знают. В городах очень религиозно настроена часть интеллигенции, особенно в Петрограде. По прежнему »усердны до церкви« остатки старого купечества. Но широкие народные массы, особенно рабочие, относятся ко всему этому совершенно индифферентно. Гражданский брак обычное явление. Очень часто не крестят детей и не по каким нибудь высоким соображениям, а просто так — »и без попа обойдется«, да и расходов меньше! Я часто в праздничные дни бывал в церквах. Внешне все очень хорошо — служба торжественная, поют лучше прежнего; но молящихся мало и, главным образом, женщины. На моих глазах в Москве »ликвидировали« церковь и превращали ее в клуб. Увозили иконы, снимали колокола, кресты... Вокруг стоит толпа любопытных, но хоть бы кто нибудь запротестовал. Разве лишь какая нибудь старушка начнет причитать: »И что они делают родимые, и как же это можно, и что же это будет, и как их земля еще носит...« А остальные стоят и грызут семячки.

Был я неоднократно в Донском Монастыре у Тихона. При мне произошло знаменитое покаяние патриарха. Оно произвело сильное впечатление в церковных кругах, особенно среди сторонников »Живой Церкви«. Но народ, интеллигенция отнеслись к этому совсем равно-

душно. Вот когда открылись совершенно невероятные деяния убийцы Комарова-Петрова — это было событие, о котором вся Москва говорила, говорила и долго не могла успокоиться... Некоторое впечатление (чисто внешнее) произвело воззвание патриарха Тихона, расклеенное по всей Москве, выдержанное в тонах царских манифестов (»Мы Божей Милостью Патриарх Московский и всея Руси обращаемся ко всем верным чадам православной церкви и т. д.), столь необычное для нынешней Москвы. А рядом с воззванием патриарха красовалось длинейшее писание Высшего Церковного Управления, свидетельствовавшее о немалом смущении и замешательстве в »живоцерковных рядах«, вызванном покаянием Тихона. И действительно, после того, как Тихон из врага сов. власти превратился в лойяльного гражданина, даже сторонника ее и старая церковь вновь оказалась легализованной — для рядового духовенства с перепуга укрывшегося под сенью »живой церкви« дальнейшее пребывание там оказалось бессмысленным и началась обратная тяга к Тихону. А патриарх с своей стороны перешел в решительное наступление против »живоцерковников«, недопуская их под свое благословение, окропляя святой водой »живоцерковные« храмы, прежде чем служить в них и т. д.

А народ безмолвствовал и грыз семячки...

Кстати о Комарове-Петрове. В течении двух лет этот тип заманивал к себе на дом, под предлогом продажи лошади, приезжих крестьян, убивал их простым молотком, ограблял, каким то особым, им изобретенным, способом связывал труп, запихивал в мешок и отвозил в Москву-реку. Очень скоро решил, что не стоит так далеко тащиться и стал закапывать трупы у себя в саду, а иногда и просто на улице под окнами. Сколько он народа перебил — неизвестно. Оффициально 33 человека, потому что столько случаев было установлено следствием, а сам Комаров говорил, что всех не запомнишь, может 30, может 50, а может и 100 — »хрен его знает«! Самое любопытное, что все это происходило в столице Р.С. Ф.С.Р., в Москве, правда не в центре, но все же на достаточно людном месте. Сколько бумаги исписано на тему о всесильной че-ке, о ее многочисленных агентах, которые яко бы все видят и все знают, о том что все граждане находятся под постоянным бдительным надзором, за всеми следят и т. д. и т. д. А в это время некий неказистый мужиченка знай себе щелкает молотком по голове одного клиента за другим и если бы не случайность, может быть еще долго бы продолжалась эта идиллия. Эффект был настолько потрясающий, что даже »Известия« онемели и молчали набравши в рот воды. А в это время вся Москва только и жила Петро-

вым-Комаровым. Наконец через неделю и »Известия« решились сообщить о »новой блестящей победе МУУР« (московский уголовный розыск).

А в конце июня произошел в Москве нижеследующий »случай«: место действия — Кузнецкий Мост, угол Петровки, время действия — четыре часа дня.

Два еврея (владелец магазина и его приятель) подвыпили и поспорили на двадцать миллиардов — один из приятелей должен был раздеться и голым прогуляться по Кузнецкому Мосту до Г. П. У. и обратно. Один из »остряков« отправился на прогулку. Произошло нижеследующее: публика (в том числе и милиция) завидев голого человека в ужасе бросилась бежать в магазины, под ворота — куда попало. А голый человек преспокойно прогулялся до Лубянки и обратно в магазин. Тут только окружающие опомнились. Точно из под земли появились агенты Г. П. У. и арестовали смельчака. Родственники арестованного обратились к адвокату с просьбой освободить »остряка«. За солидное вознаграждение адвокат взялся за это и, по его словам, дело оказалось совсем простым — нет в советском законодательстве такой статьи, под которую можно подвести эту прогулку. Разве что за дискредитирование власти в глазах иностранных кон-

цессионеров, гуляющих в это время по Кузнецкому Мосту!

Около часовни Иверской Божей Матери всегда много нищих. В самой часовне постоянно несколько молящихся. На ближайшей стене надпись: »Религия дурман для народа«. На другом доме: »Революция вихрь, отбрасывающий назад всех ему сопротивляющихся.« Вокруг много торговцев — торгуют всем, от пирожков до биноклей Цейса. Здесь постоянно можно услышать разговоры о религии, о существовании Бога...

— А в церкви учат, что шел дождь сорок дней и сорок ночей и стал потоп, а у нас поди скоро сто сорок дней и сто сорок ночей льет безпрерывно (весна и лето были чрезвычайно дождливы) и все живем и ничего, — говорит со смехом какой то крестьянин.

— Вот как сгниет у вас все на полях — увидите есть ли Бог, али нет, — отвечает ему проходящая мимо баба. Мужики вдруг затихают, очевидно мысль о неурожае тревожит их. Другая сцена: какой то молодой красноармеец ожесточенно бьет себя кулаками в грудь и кричит:

— Вот, если он есть, этот самый ваш Бог, так поразил он меня на этом самом месте!

— Очень то ты ему нужен, — хладнокровно отвечает какой то старик. Всеобщий смех.

На Тверской около Мюра и Мерелиза (ныне ГУМ — Государственный Универсальный Магазин) появились торговцы новым товаром — »Духи на вес«. За сто миллионов, при помощи специальной пипетки можно надушить себе платок настоящими французскими духами. Проходишь мимо — только и слышно: »Оригон-Коти,« »Шипр-Коти,« »Кельк-Флер«... Торгуют главным образом представители интеллигенции. Печальное во всех отношениях зрелище.

В большом почете бега. В хорошую погоду, в праздничный день — битком набито. За вход берут недорого: что то около 60 коп. золотом (причем сдачу мне дали какими то лотерейными билетами, при дальнейшем рассмотрении оказавшимися просроченными). Обороты тотолизатора огромные. Минимальная ставка около рубля двадцати пяти копеек золотом; при мне были выдачи в 100—150 руб. зол. Часть выигрыша уплачивают золотым займом — счастливец не разбирает, что ему дают, ему не до претензий, а государство таким путем сплавляет ежедневно большое количество займа! Сочетание полезного с приятным. Кто посещает бега? Вся Москва, вплоть до рабочих.

Бросается в глаза обилие книжных магазинов. И не только на таких улицах, как Моховая, Никитская, но и на окраинах. За послед-

ний год издано много новых книг, главным образом научных. Частные издательства прозябают — конкуррировать с Госиздатом слишком трудно. На улицах много киосков, продающих газеты, многочисленные журналы и книги. Последние в очень странном выборе: Унив. Библ. (А. Франс, Стриндберг, Лоти и др.), старые романы Авсеенко, Потапенко, Альбова и откуда то вновь выплывший на Свет Божий — Вальтер Скотт в сокращенном издании Вольфа (изд. 70—80 гг.). Старые книги дешевы, новые очень дороги. Впрочем, сравнительно с тем, что стоят в России вещи вообще — книги не так уже дороги. Современный русский читатель, кто он? Отчасти старая интеллигенция, но на ряду с ней появился и новый читатель—рабочая молодежь, слушатели рабфаков (рабочих факультетов), Свердловского университета и т. п.; среди этой молодежи замечается огромная, неутолимая жажда к знанию. Правда, главным образом к практическому знанию. Но учатся много, чрезвычайно усердно и при очень тяжелых обстоятельствах, так как помощь государства совершенно недостаточна. Чрезвычайно трогательно это стремление научиться, »выйти в люди«. И напрасно думают некоторые, что это новое студенчество, не имея среднего образования, не в состоянии осилить науку. Профессора, прежде очень критически относившиеся к »рабфаковцам« говорили мне, что они прямо поражены усердием

этой молодежи и достигнутыми ею результатами. Конечно, качественно образование в России сильно понизилось, за то оно стало общедоступным. Куда не взглянешь всюду сидят с книжками и учатся... »Грызут гранит науки«, как выразился Троцкий. Этот порыв надо оценить по достоинству!

В обеденное время, часа в 4—5 нэповские дельцы высокого полета собираются в »Эрмитаже-Оливье«. Несмотря на высокие цены, большое помещение ресторана полно народа—все столики заняты. Обеды по мирному времени, сервировка, прислуга — безукоризненные. В публике все знаменитости »деловой Москвы«. —

— Вот любопытный тип, — показывают мне на одного мужчину средних лет,—он был членом правления одного треста, некоторое время тому назад проворовался тысячь на сто золотом, был судим, но, принимая во внимание пролетарское происхождение и все такое—осужден милостиво; потом подоспела амнистия и, в результате, вот он сидит перед вами. Вы видите с каким подбострастьем относятся к нему окружающие — после всей этой неприятной истории он стал одним из самых кредитопособных нэпманов: сколько у него денег никто не знает, но что сто тысячь, которые он украл, имеются — всем известно!

Несмотря на жестокую борьбу, которую сов. правительство ведет со всевозможными злоупотреблениями — взятки и воровство процветают и даже расстрелы не помогают. Процветают клубы: игра идет всю ночь, главным образом в лото, обороты невероятные. Все это происходит вполне легально с благословения властей, которые оправдываются тем, что все равно искоренить это зло невозможно — так уж лучше поставить его в приличные рамки и обложить громадными налогами. Этот расцвет уродливых сторон жизни объясняется очень просто — на поверхность всплыли люди, зачастую малограмотные. У них на руках громадные денежные средства; им хочется повеселиться, пожить; в »Художественном Театре« им делать нечего — они предпочитают идти в »Эрмитаж«.

Ложь, будто нынешние властители России живут в роскоши и богатстве. Есть, конечно, печальные исключения, но общая масса идейных коммунистов живет по прежнему чрезвычайно скромно. Большая часть народных комиссаров живет в Кремле, в б. здании Судебных Установлений и в Чудовом монастыре. Из общей столовой получают очень простой обед. Часть живет в городе в »домах советов« (т. е. советских общежитиях) в таких же скромных условиях. Ленин, Троцкий, Каменев и др. ра-

ботают чуть ли не по 20 часов в сутки. Результаты на лицо: Ленин окончательно выбыл из строя, Троцкий сильно состарился, другие тоже »поизносились«.

Вновь появились городовые, правда »революционные« — милиционеры. Стоят на всех углах, в новой форме (черная шинель с красным отложным воротником, черная фуражка с красным околышком, с большим черным лакированным козырьком — на английский манер) все молодые, бритые, вежливые и предупредительные.

Громадной популярностью пользуются клоуны Бим и Бом. Хотя Бим и Бом и объявили себя письмом в »Известиях«, сторонниками советской власти, шутки их сплошь »контр-революционные«. Например: Бим выкатывает на арену огромную бочку в которой сидит Бом; последний не хочет вылезти из бочки — требует, чтобы публика хорошенько попросила его об этом. Публика просит, аплодирует... Через посредство Бома, Бим сообщает, что этого мало — пусть все встанут и стоя попросят его показаться; все, в том числе и »товарищи комиссары«. Вся публика встает и стоя аплодирует: из бочки вылезает Бим в старой форме городового!

Вообще цирк пользуется большой популярностью. И именно простой старый цирк: неизменная м-ль Элен-вольтиж, акробаты, борьба (арбитр »Дядя Ваня« — И. Лебедев до сих пор жив и процветает!) и т. п. А цирк Мейерхольда, называемый впрочем »Театром Революции«, несмотря на всего его потуги, никакого успеха не имеет и остается прежде всего типичной интеллигентской выдумкой, которую народ не понимает, да и не стремится понять. А если наркомпрос и кормит Мейерхольда субсидиями, то лишь в погоне за новизной, потому что »хочет свою образованность показать«. Но народ здесь решительно не при чем, так как »Театр Революции« просто не посещает, а случайные рабочие и крестьяне, попадающие на эти представления считают все это издевательством над ними. И не без основания: угощать человека от станка или крестьянина от сохи »био-механикой« Мейерхольда граничит с издевательством.

Тот, кто не хочет или не может понять, что на смену старым классам — старой буржуазии и дворянской бюрократии пришли новые люди »из народа« — вообще ничего не поймет в происходящих в России событиях. И, если он не может примириться с такой переменой — пусть лучше о России забудет. Это не значит, что

представители старой интеллигенции потеряют всякое значение, влияние. Нет, весьма вероятно, что фактическое руководство в русской жизни будет попрежнему в их руках, но тот »народ«, который раньше был на положении »живого инвентаря« выступил теперь на первый план и с его пожеланиями и вкусами придется очень и очень считаться. Но к сожалению культурное его состояние таково, что мелодраму, борьбу, кинематограф — он решительно предпочитает академическим театрам. Был я в Москве несколько раз в Большом театре, в »Художественном« и др. Полно, но билеты можно было свободно получить в день спектакля. Публика ведет себя очень чинно и корректно, но ведь это сов. служащие и нэп, а не народ. Встречаются, конечно, и рабочие; например за мной сидел раз какой то пожилой рабочий с женой и рассказывал ей »своими словами« содержание оперы (Пиковая дама). Рассказывал серьезно, с увлечением, но его толкование оперы было таково, что я вынужден был покинуть спектакль до окончания. В другой раз был я на народном симфоническом концерте в Нескучном Саду, под управлением Ипполитова-Иванова; народ отсутствовал совершенно, а те, что стояли за забором, все внимание обращали на движения дирижера и на турецкий барабан. Очень искренно удивлялись, когда их просили во время исполнения громко не разговаривать. За то

процветает кинематограф; цены очень высокие, почти как в академических театрах. Картины американские, немецкие и русские, в наибольшем почете по прежнему — »уголовные« драмы. Излюбленный репертуар рабочих театров: »Две сиротки«, »Измена«, пьессы Островского, — словом репертуар провинциальных театров былых времен. В летних садах (нэп!) идет »под гомерический хохот« — »Мой бэбэ«, »Хорошо сшитый фрак« или оперетки »Сильва«, »Баядерка«... А 15-го июля в Москве была сенсационная премьера — »Веселая вдова«. По прежнему гастролируют неувядаемые братья Адельгейм. Вот этот репертуар пользуется настоящим серьезным успехом! Но ведь это торжество не революции, а мещанства!

Советский поэт Демьян Бедный посетил как то весною одну деревню под Москвой. Благодарные почитатели поэта (в большинстве неграмотные) торжественно встретили его и постановили ежегодно праздновать день посещения Демьяном Бедным их деревни. Словом произвели его в »новые святые«, по выражению »Красной Газеты«. Быть может Демьян Бедный и пошл, и груб, и просто не литературен, но он пользуется широкой популярностью в рабочей среде. Он действительно народный поэт и по его поэмам можно судить о вкусах народа.

Красная армия не бросается в глаза. Постоянно встречаешь отдельных красноармейцев, но полк, даже рота видны редко. Впрочем часто видишь на улицах Москвы небольшие отряды в 10—20 человек — смена караула. Идут с неизменной песней:

— Смело мы в бой пойдем
За власть советов.
И как один умрем
За дело это! —

Внешне красноармейцы выглядят очень хорошо, новая стрелецкая форма довольно живописна. Говорят, что в провинции красноармейские части одеты и вооружены плохо, но то, что мне пришлось видеть в провинции, было не хуже столичного. Что касается дисциплины, то одна дама буржуазного образа мыслей сказала мне: — Спасибо Троцкому, он этих мерзавцев подтянул, теперь совсем не то, что было в 17—18 гг!

Большое внимание обращено сейчас на постройку воздушного флота: »Крепче крепите воздушную снасть, крепче крепите советскую власть!« Так гласят плакаты, расклеенные по всей Москве. Организуются воздушные сообщения внутри России; уже открыта линия Москва — Харьков — Ростов — Батум.

Вообще о работе военного ведомства и родственных ему учреждений нужно отозваться с большой похвалой.

О детях советская власть очень заботится и для них многое делает. Куда не взглянешь — »дом ребенка«; по воскресеньям всюду встречаешь детские экскурсии. Но беда в том, что эта помощь детям требует огромных средств, которых государство не имеет. В столицах еще кое как сводят концы с концами, но провинция стремительно »ликвидирует« и порою в довольно диких формах. Так на моих глазах один провинциальный »Собес« (отдел социального обезпечения), стал раздавать детей из приюта в частные дома... в качестве домашней прислуги. При чем за каждую девочку Собес брал плату натурой — пуд ржи в год. К сожалению это факт.

Перелистываю школьные тетради; читаю сочинение на тему »1-ое Мая«: — На Западе буржуазия томит рабочих и крестьян в тюрьмах и не позволяет им праздновать пролетарский праздник 1-го Мая. Только у нас в России и т. д. Диктовка: — В борьбе за свое освобождение пролетариат может потерять лишь свои цепи, а завоевать целый мир. Советское

Правительство, единственное в мире правительство рабочих и крестьян. Красная армия защитница мировой революции и т. п.«

— Куда ты идешь Петя, — спрашиваю я 10 летнего школьника.

— В суд.

— ??? —

— Ну да в суд, у нас сегодня в школе суд.

— Кого же вы судите?

— Шестнадцатый век...

Советские дети совершенно потеряли понятие о числах. Воспитанные на миллионах они привыкли думать, что лишь с миллиона начинается счет (все, что ниже миллиона не принимается во внимание!).

Какое нибудь астрономическое расстояние в миллион километров им кажется совсем пустяшным!

Ясный летний день. Я сижу в комнате у открытого окна. На столе крынка молока, хлеб, клубника. Слышно, как где то вблизи работают каменщики. На дворе поют петухи, кричит коза — »советская корова« (сколько этих советских коров развелось в России — уму непостижимо). По булыжной мостовой гремит телега:

— Вот уголья, уголья, уголья!..

Затихает. Вдруг под самым окном, раздается гнусавое пенье. Мальчик и девочка лет десяти затягивают какую то современную песню о войне с белыми, о роковой любви и о том, как

»на базар плетется мать,
галифею продавать«.

Кончают, деловито собирают миллионы и уходят. Потом какие то бабы начинают спорить из за дров. Появляется мороженщик, еще какой то торговец...

Россия!

А там вдали за границей сотни тысяч, миллионы русских живут вдали от родины, стремятся, но не могут попасть сюда; а многие из них относятся к Советскому Правительству гораздо лучше многих из обитателей Советской России и тем не менее... Там в России, вся эта заграничная борьба, эмиграция кажутся такой нелепостью, таким нереальным, неправдоподобным...

Посещаю кладбища. Даниловский монастырь: могила Гоголя, вся в целости, но неугасимая лампада повидимому уже давно погасла.

Новодевичий монастырь: могилы Чехова, Скрябина, Вахтангова — все в полном порядке. Много цветов.

Донской монастырь: — около собора столб

с объявлением, что кладбище и постройки монастыря находятся под охраной

»как и —

старический памятник«.

Много свежих могил 19—20 гг. На одном новом кресте бросается в глаза медная дощечка, очевидно просто снятая с двери:

»доктор N прием от 3 до 7 ч.«

Вся Россия пьет самогон, который по мнению крестьян также необходим человеку, как кислород земле (ответ в одной крестьянской анкете).

Разрешена продажа виноградного вина до 20%, причем почти вся торговля вином — в руках государства. »Госвинторг«, одно время, в своих рекламах, усиленно увещевал граждан: »вы пьете самогон, это вредно отзывается на здоровьи; пейте виноградные вина, »Спотыкач«, Неженскую рябиновку« и т. д. А в одном из южных городов местный »Госвинторг« даже назвал свой винный склад — »Возрождение«. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать скорое возрождение казенной »монопольки«. Народ этого определенно желает. Никогда в России не пили так много пива как сейчас. Про Петроград даже поют:

»Петроград совсем иной,
в каждом доме по пивной.«

Петроградское пиво по качеству не уступает довоенному, цена очень высокая (около 35-ти коп. золотом за бутылку), но эта дорогая цена никого не останавливает, пьют все и стар и млад, и нэп и пролетариат.

Сухаревка. Куда не взглянешь человеческая толпа, волнующаяся, шумящая, покупающая и продающая. Все строго разграничено — здесь биржа, там — продовольственные ряды, подальше мануфактура, табачный ряд, »кафе-рестораны«, книжная торговля, посуда, готовое платье, всевозможный старый хлам и т. д.

— Гражданин, что продаете? — Беру хлебный заем, хлебный заем кто дает! — Даю доллары. Кто дает червонцы?

Крепко держусь за карманы и протискиваюсь сквозь толпу »биржевиков«.

— На Ваш рост брюки есть, зайдите и посмотрите! — Гражданин, что покупаете? — Шляпы есть, самые знаменитые на всей Сухаревке!

Взад и вперед снуют мальчишки с квасом — в огромной бутыли красная, желтая, или зеленая — жидкость, в которой плавает несколько ломтиков лимона. Стакан — миллион. Все пьют эту отраву из одного стакана, надо удивляться сравнительно благополучному санитарному состоянию России! Иногда, в жаркие дни, вместо кваса продают просто холодную воду.

— Халодная вода, халодная вода, миллион стакан, кому угодно!

— Эй ты, купец, давай сюда!

Торговец шляпами берет у мальчишки стакан воды, залпом выпивает, роется в карманах, вытаскивает 500 000 и передает их мальчику. Тот смотрит в недоумении:

— Еще 500 мне получить.

— Проходи, проходи. Где это слыхано, чтобы воду продавали; пошел к крану и напился!—

— Зачем же ты не шел к крану, а пил мою воду?

— Твоя вода! Вода ничья, ну живо, проваливай, не то сейчас по шее получишь!—Мальчик ругаясь уходит.

На толкучке, где продают старые вещи, ларьков нет — здесь все товары на руках: среди продавцов встречаются и остатки интеллигенции; продают все, что только можно себе представить, от рваных галош, до севрского фарфора. Но главным образом старую одежду.

Тут же среди толпы прогуливаются одинокие миллиционеры; за каким порядком должны они следить, какие законы блюсти не совсем ясно, ибо здесь свои обычаи, свои понятия о чести и честности. Ряд ларьков торгует граммофонами и пластинками. Как известно, в деревне еще сейчас граммофон ценится дороже рояля; и здесь на Сухаревке интерес к »музыкальным консер-

вам« большой, с Вяльцевой и Собиновым, конкуррируют пластинки с речами Ленина и Троцкого.

— Жаренные семячки, кому надо жаренных семячек?

Пробую у одного из многочисленных мороженщиков мороженное с вафлями и удовлетворенный иду домой.

Пользуюсь каждым удобным случаем, чтобы выехать в деревню и в провинциальные города Московской и соседних губерний. Общее впечатление от провинции (в местах где не было гражданской войны) — отрадное. Разрушений мало, меньше чем в столицах, дома ремонтируют, заново красят. Это вполне понятно, т. к. живут в этих домах большей частью старые владельцы, которым дома возвращены обратно, в собственность или на правах аренды, но с условием произвести ремонт. Население городов почти всюду прежнее, не увеличилось и не уменьшилось. Еще сильнее чем в Москве бросается в глаза сытость населения — у всех »свое хозяйство«: у кого корова, у кого свинья, у кого только куры. И еще резче заметно всеобщее обеднение: только торговля съестными припасами процветает. Вещи же совершенно недоступны, их никто не покупает. В одном уездном городке мне говорили про директора

местного завода: — »О, он ловко устроился, он загребает деньги обоими руками!« А в переводе на золото оказалось, что он загребает до 30 руб. в месяц, т. е. сумма, о которой в Москве вообще не говорят. Немногочисленная интеллигенция запугана. Новые веяния сюда доходят медленно, с опозданием на год, на два. Хотя расстрелы, аресты и обыски отходят в прошлое, все еще живут под свежим впечатлением вчерашних ужасов. Это станет особенно понятным, если вспомнить, что персонально власть в провинции почти не изменилась, а если и появились новые люди, то это пожалуй к худшему — все лучшее, талантливое и энергичное естественно стремится в Москву. Газет читают мало. Дорого. О положении в Западной Европе даже у интеллигентных людей, бывавших там, представление очень странное. Мои собеседники и сами сознавали это и виновато говорили: — Ведь мы здесь живем отрезанные от всего, ничего не знаем толком.

В каждом провинциальном городе есть Советская улица, Пролетарская, Красная, Проспект Карла Маркса; Ивановская, конечно, превращена в Социалистическую.

Тверь. Город содержится в чистоте и образцовом порядке. Ходит трамвай, много извощиков. В гостиннице, где я остановился,

сверх ожиданий чисто и даже незаметно насекомых. Цены дешевые. Бросаются в глаза заново отремонтированные церкви. В то время как в столицах революционные памятники воздвигались обычно из гипса и других непрочных материалов и, отличаясь редким безобразием, ко всеобщему удовлетворению быстро разрушались, в Твери до сих пор красуются два гигантских бюста, высеченные из камня: Маркс и Ленин. Другая достопримечательность Твери — местный отдел государственного издательства, едва ли не лучшее провинциальное издательство в России. В нескольких книжных магазинах можно найти все, что захочется — от дешевых популярно-научных книг, до последних новинок западной литературы.

Величественно течет Волга. Есть пароходное сообщение с Рыбинском, но вообще движение судов незначительное.

Маленький уездный город. Здесь жизнь совсем примитивная, деревенская. Население по прежнему гостеприимно. За обедом, в знак особого внимания меня угощают латвийским спиртом; это большая ценность, но имеется в каждом уважающем себя хозяйстве. На 10000 жителей приходится около 10 церквей. Было бы довольно и половины. Содержание этих 10 церквей ложится тяжелым бременем на население,

но тем не менее прихожане упорно борятся за свои церкви не желая допустить превращения их в клубы. Но и здесь, наряду со стремлением сохранить церкви, никакого религиозного подъема, в дни богослужений храмы пустуют, а когда местные комсомольцы задумали поставить »Бориса Годунова« и сшили себе театральные костюмы из церковных облачений — никто палец о палец не ударил... За то часто бывают религиозные диспуты и протекают обычно очень бурно. Жаловался мне один коммунист: — Ведь все это церковное рвение только лишь на зло нам. Разве это верующие, раньше в церковь лишь на свадьбу, да на отпевание ходили, а теперь пудовые свечи ставят!

Приехал я в городок утром, обошел вокруг одну фабрику и через час уже весь город говорил: — Англичане приехали фабрику покупать!

Престиж Англии чрезвычайно высок. (Впрочем незадолго до этого в Москве состоялась демонстрация протеста против лорда Кэрзона, под грациозными лозунгами: »Лордам по мордам« и »Трескай треску пока не треснешь!«) А наряду с этим сильная ненависть к Польше и в столицах и в провинции. Если будет война против Польши, она встретит живой отклик во всем населении. Повидимому очень уже досадили всем поляки, а по отношению к другим иностранным державам всюду заметен живейший интерес и наилучшие чувства.

На базаре мне бросился в глаза продавец книг. Просто на земле лежат кипы книг: томик Чехова (приложение к »Ниве«) »Круг Чтения« Толстого, »Я никого не ем«, пачка Нат Пинкертона, Гоголь в 1 томе и т. д. Около стоит покупатель — крестьянин и перебирает книги. Я с любопытством гляжу на него. На чем он остановится?

— Нет ли у тебя чего нибудь потоньше, а то закуришь и дыму много...

Современный читатель.

Деревня. Мало отрадного можно рассказать о современной русской деревне. Поскольку она не лежит в голодном районе и не пострадала от гражданской войны — материально деревня в сравнительно хорошем положении. Она безусловно сыта, а в 19—20 гг., крестьяне Московской, Петроградской, и др. близь лежащих губерний несказано разбогатели на всем известных операциях обмена картошки на одежду, обувь, мебель и т. д. из расчета на рубль деревенских продуктов за десять рублей городских товаров. Теперь город жестоко мстит деревне и требует за аршин ситца пуд и десять фун. хлеба, вместо восьми фун., а за другие городские товары, необходимые крестьянину, примерно в таком же отношении. Крестьяне ответили на это своеобразным бойкотом города, закупая

в городе в минимальном количестве лишь абсолютно необходимые товары и ограничивая запашку своими личными потребностями. Отношение к городу определенно враждебное, равно и ко всему новому идущему из города. Носителями этого нового является в деревне красноармейская молодежь, но в условиях деревенской жизни и эта молодежь весьма быстро теряет и свой радикализм и налет городской культуры, вплоть до привычки к чтению газеты. Революция была понята крестьянством, как редкая возможность захватить все вокруг лежащее некрестьянское имущество, в первую очередь, конечно, помещичьи имения с инвентарем, затем школы, аграномические пункты, пожарные обозы, иногда даже земские больницы. Все, что нельзя было забрать и разделить — уничтожалось, чтобы замести следы. В дальнейшем от революции крестьяне ничего не ждут.

Никаких перемен не желают, возврата к старому боятся. Никаких монархических чувств в народе нет, Романовы забыты основательно. Советского Правительства боятся и, как всякой властью, им недовольны.

— Собирают налоги, да рекрутов берут! А что мы за это имеем? Землю? Да мы сами ее взяли!

Твердо уверены, что их обирают. Коммунисты в деревне лишь одиночки, да и это обычно пришлый элемент. О коммунизме говорят с оз-

доблением, что он собою представляет не понимают, но знают, что это из города, а значит крестьянскому делу во вред. В Москве »те же баре правят«, особенно опасные потому, что тайный смысл их дел им, крестьянам, непонятен. Религиозности никакой, но обряды исполняют, церкви чинят. »Живая церковь« до деревни не доходит. Встречаются, но редко, невенчанные. Возможность легкого развода привела к еще большему закрепощению женщины, т. к. мужья чуть что грозятся пойти »расписаться«. Отношение к школе определенное: »не наше это дело, если начальство хочет, чтобы ребята учились, пусть открывает школы«. Телеграф нередко разрушается, т. к. »нам он ни к чему, а проволока в хозяйстве необходима, а пойди купи ее в городе«. Вообще теория, — подальше от всех этих новестей, без них лучше было — пользуется большой популярностью. Знахарок определенно, предпочитают врачам. Прошлым летом сильно распространилась малярия. »Верное средство«, найденное в деревне против этой болезни, заключается в следующем: на дом захворавшего надо прилепить записку: »продается лихорадка,« кто первый это прочтет, на того и переходит болезнь. Это имело место в пределах Московской губернии, в год от превращения России в Социалистическую Республику — 6-ой. Ждут возобновления казенной продажи вина, а пока во всю гонят самогон, т. к. это

»целебный напиток для человека и уничтожение его варварство«. »Для найма рабочих, для свадеб, для похорон, для крестин, самогон необходим«. (Ответы на анкеты о самогоне.)

Прохожу как то через незнакомую деревню. Около какой то будки стоит группа молодежи и оживленно беседует; стоят спиною ко мне и меня не замечают. Подхожу вплотную. Один из парней ругает другого площадными словами, вдруг слышу: »Комсом...« обрывается на полуслове, — увидели меня. Испуганно смотрят на меня незнакомого горожанина. Я быстро ухожу. Слышу: сначала шопот, потом опять громкий разговор...

Поражает рост кулачества. В сущности значение местных советов ничтожно — они всецело в руках нескольких богачей. Последние иногда читают газеты (а значит и декреты власти), в то время как рядовое крестьянство, вплоть до красноармейцев, не читает их никогда. Стекло, железо — деревне недоступно, но, поскольку можно обойтись лесом и своим деревенским строительным материалом — деревня обстраивается, новые постройки, впрочем довольно примитивно слаженные — не редкость. Процветают домашние промыслы. Неожиданно много видно скота.

Чтобы в городе не произошло, дервня останется безучастным, но неизменно враждебным зрителем.

Долго ждал я случая проехать в Петроград, наконец случай представился, билет получил с трудом, пол дня простояв в очереди. Поезда между Петроградом и Москвой ходят прекрасно — в пути 14 часов. Спальные вагоны б. Международного Общества, даже вагон ресторан. Вагоны содержатся в безукоризненной чистоте; плата высокая — за спальное место в Международном вагоне берут около 20 руб. золотом. Ложусь спать. На утро просыпаюсь в Малой Вишере. Поезд стоит 10 минут. Наскоро поспеваю выпить стакан кофе. Следующая остановка до Петрограда — Любань. Мелькают знакомые места: Тосно, Саблино, Поповка, Колпино... Начинают появляться фабрики и заводы, но большею частью бездействующие — »консервируются«. Безпрерывные дожди затопили все вокруг, поля гниют — печальная картина. Должен признаться — в чрезвычайном волнении подъезжал я к Петрограду. Каким увижу я его, что ждет меня там, в этом трагическом городе? Обухово, Фарфоровый пост... вдруг странная картина — поле, средь поля отдельные металлические кресты и какие то памятники — не сразу приходит мне в голову, что это остатки кладбища: все деревянные кресты и вообще деревянные постройки, заборы, расхищены на топливо. Поезд замедляет ход и, наконец, плавно останавливается... »Петроград 2-ой.« Николаевский, ныне Октябрьский вок-

зал... У вокзала вереницей извощики. Нанимаю одного из них и еду в Европейскую Гостинницу. Первое что бросается в глаза — памятник Александру III; но вместо старой надписи новая: »Пугало« и четырех-стишие, поясняющее эту надпись. Уже 12 час, а на Невском тихо, точно прежде часов в 6—7 утра. Особенно заметно отсутствие экипажей, кое где виднеются извощики, промчится казенный автомобиль, но прежнего движения нет и в помине. Довольно много магазинов, мелькают старые вывески, старые фирмы: »Знаменская гостинница,« Скороход,« »Ресторан Палкина,« Кондитерская Де Гурмэ«... Встречаются вывески, висящие по недоразумению, как остатки прежнего — фирмы эти уже не существуют. Не могу сказать, чтоб мостовая была в хорошем состоянии, все время попадаются рытвины, провалившиеся торцы. Около Литейного Проспекта приходится ехать совсем шагом, причем целая часть мостовой не шире колеи, поэтому извозчикам приходится становиться в очередь, чтобы проехать опасное место. После я часто удивлялся, как приспособились петроградские извозчики к езде по разбитой мостовой. Чрезвычайно ловко и быстро лавируют они между ухабами — вправо, влево, вперед, назад... Проезжаю Аничков мост, дворец,... Вдруг открывается вид на Александринский театр... Заново окрашенный, окаймленный зеленью скверов, он производит поразительное впе-

чатление. Все это давно знакомо, но теперь, после многолетней разлуки, после берлинских пейзажей, кажется необыкновенно красивым, да таково оно и есть на самом деле. Гостинный Двор, Городская Дума — сколько воспоминаний связано со всем этим! Сворачиваем на Михайловскую (ныне улица Лассаля) и подъезжаем к Европейской Гостиннице. Один из моих петроградских знакомых говорил мне после, что попадая в Европейскую Гостинницу он действительно чувствует себя »как в Европе«. И правда, гостинница по прежнему роскошна и содержится в полном порядке, впрочем при более подробном осмотре обнаруживаются кое какие недостатки — плохо работает водопровод и т. п., но это детали, в общем приходится удивляться, что удалось сохранить гостинницу в таком виде, тем более что после Октябрского переворота она была превращена в распределительный пункт, куда поступали дети перед размещением их по различным приютам. Легко себе представить, что там происходило! А теперь все вполне »по европейски«, вплоть до роскошных витрин на лестнице, витрин освещенных мягким электрическим светом, с дорогими товарами — кружева, антикварные вещи — специально для знатных иностранцев. Без труда получаю комнату. Большая, великолепно обставленная комната на улицу — стоит 3 руб. золотом в сутки. Беру ванну, переодеваюсь и

иду завтракать на »крышу«. Знаменитый сад на крыше Европейской Гостинницы снова превращен в прежний мирный вид. Час дня, но тем неменее ресторан совершенно пуст; немного погодя приходит группа французов, после какой то англичанин. Столы роскошно накрыты, прислуга прежняя — безшумно снуют татары в белоснежных костюмах, с серебряными пуговицами. Завтрак из двух блюд на выбор — около 50 коп. золотом, обед из 4 блюд — 70 коп. Превосходная кухня, сервировка — все как в былое время. Очень дороги напитки — бутылка пива, нарзан, обходится во столько же, сколько и обед. В общем все значительно дешевле и лучше чем в Москве.

Иду на улицу — осматривать Петроград. После долгих дождливых недель, кажется впервые, выглянуло солнце и в ярком свете летнего солнца даже неприглядные картины разрушения и те смотрят приветливее. Иду по знакомым улицам, по старым милым и близким мне местам... Иду и все не могу притти в себя, вот Гостинный Двор — почти все магазины открыты, вот Казанский собор, Адмиралтейство, Нева — на яву ли вижу я все это? Совсем как в »Синей птице« Метерлинка — Страна Воспоминаний, где мертвые живут, старой привычной жизнью, и обстановка вокруг старая, обычная, и как будто

бы все стало даже лучше, красивее. Но все-таки жизнь эта иная и живым ея не понять и страшно им соприкасаться с этим царством теней... Петроград мертв, и хоть население его снова увеличивается и уже перевалило за миллион и улицы, особенно центральные, оживились — город мертв и воскресить его будет не легко. По постройкам, по общему своему характеру — Петроград столица, а ныне он волею судеб оказался провинцией. Пустуют огромные здания Министерств, пустуют Дворцы, — они не нужны более... Замерла жизнь в порту, »консервируется« — петроградская промышленность. Конечно, город снова воскреснет и, надо думать, расцветет лучше прежнего; но не скоро еще, не через год и не через два... Почти прежнее оживление на Сенной и в окружающем районе — Садовая, Гороховая, Забалканский и т. д.; объясняется это очень просто — стоит вспомнить лишь, кто населяет этот район: лавочники, прикащики, ремесленники (»мелко буржуазный элемент«). Тяжелые годы они пережили легче, чем кто либо иной, никуда они не сбежали и остались жить на своих старых местах. При первых же проявлениях нэпа эти »буржуйчики« сняли ставни со своих магазинов, отперли тяжелые засовы на дверях и заторговали по старому (впрочем и в самые суровые годы военного коммунизма, эти лавочки были не слишком крепко заперты!). Конечно, на Невском магазинов боль-

ше, помещения роскошнее и товары дороже, и народу проходит мимо больше. Но идешь и ясно чувствуешь — стоит дунуть и все это полетит, также быстро исчезнет, как появилось. Покупателей нет. Не то на Казанской, Гороховой — там все попрежнему, роскошных витрин там и прежде не было, а больше мясные и зеленые, московские пекарни, портные, да часовщики. Все они остались на своих местах и сохранили старых покупателей и торгуют они не шелковыми чулками и не дамскими безделушками, а вещами, без которых и самый скромный советский гражданин прожить не может. Но стоит свернуть на Морскую (ныне улица Герцена) — снова тишина, запустение... Сиротливо глядят отдельные уцелевшие магазины — вокруг все закрыто, заколочено, движения на улице почти никакого. Кстати — впервые в жизни я понял почему Морская называется Морской: иду и наслаждаюсь — со взморья несет чистым морским воздухом. Около Реформатской церкви совсем идиллия — вся мостовая в ямах, кусок решетки на набережной Мойки выломан и лежит на мостовой, вокруг зеленеет трава. Смешно сказать, но эти картины небольших разрушений чрезвычайно живописны... Иное дело провалившиеся дома; от них действительно веет ужасом. А вообще опустевший, заброшенный Петроград чрезвычайно напоминает старый Петербург середины прошлого столетия, каким

мы его знаем по гравюрам того времени; только изредка проносящийся автомобиль, да многочисленные трамваи (в таком же образцовом порядке как и в Москве!) нарушают гармонию. К вечеру я освоился с этим новым видом родного города и опять почувствовал себя дома, но впечатление страшной пустоты, заброшенности не оставляло меня до отъезда.

Белая ночь. Выхожу на набережную. Совсем тихо, пустынно. Против Зимнего Дворца огромная, уже затвердевшая куча мусора; часть гранитной набережной выломана, кое где проглядывает трава. Иду по направлению к Троицкому Мосту; широкая и, вследствие частых дождей, необычайно полноводная в этом году Нева, стройные очертания Петропавловской Крепости на том берегу, безмолвные громады дворцов здесь — картина необыкновенно величественная.

Около моста и у Летнего Сада некоторое оживление, зато дальше опять совсем пустынно. Выхожу на Литейный, по прежнему печально высятся остатки сгоревшего в Февральские дни здания Окружного Суда, мостовая в отчаянном состоянии. На Сергиевскую, Фурштадскую, Захарьевскую — страшно заглянуть, там мерзость запустения, дома разваливаются, обитатели исчезли — »Одних уж нет, а те далече!«

Чем ближе к Невскому оживление больше,

мелькают знакомые книжные магазины. На углу Невского чуть ли не такая же жизнь, как и раньше: много гуляющих—громкие разговоры, смех; снуют продавцы папирос, блестят электрические вывески — кинематографов и, новость (к сожалению!), — »электрическое лото«, »русское лото,« т. е. по просту клубы, где за ночь просаживают колоссальные суммы, даже считая на доллары. Но толпа не та, что прежде, все проще, беднее, как в старые годы в летний праздничный вечер в Народном Доме, в Таврическом Саду и на других народных гуляньях. Видно, что гуляющие очень довольны и собой и окружающей обстановкой, и нэпом и электрическим лото и папиросами »советскими« и строем советским...

Повсюду много моряков, бросаются в глаза отлично одетые и внешне дисциплинированные курсанты морского училища — почти сплошь комсомольцы. За то красноармейцев видно мало, статская публика одета бедно, но все же выглядит несколько лучше чем в Москве, иностранцев мало. Бойко торгуют кондитерские, во главе с новой знаменитостью — фирмой Лор.

Много рассказывают о падении российских нравов, о разврате, воровстве и взяточничестве... А вот со мной произошел такой случай: в Европейской Гостиннице я как то положил конверт с

частью своих денег на ночь под подушку. Утром, только уже в городе, в банке — вспомнил, что забыл захватить конверт; помчался обратно домой. Иду и думаю по дороге: если комната убрана — пропали мои доллары, если прислуга еще не поспела с уборкой — есть надежда получить деньги. Вхожу в комнату: поздно! Уж убрано! Подхожу к постели и не верю свои глазам — на ночном столике лежит конверт с долларами в полной неприкосновенности.

Обычно я в Петрограде возвращался домой очень поздно, часа в 2—3 ночи. Есть какое то своеобразное, совершенно непередаваемое очарование в этих ночных пейзажах, забытой, заброшенной столицы. Помню, несколько раз пришлось мне возвращаться ночью из Консерватории в Европейскую Гостинницу. Белая ночь, необычайная тишина, прохожих почти не встречаешь, проезжих и подавно, одинокие миллиционеры скрываются под воротами. На фоне ночного неба так четко вырисовываются строгие контуры зданий — Маринский Дворец, Иссаакиевский Собор, Государственный Банк, — все это мертво, запущено, краска на зданиях потускнела, облупилась. Часто встречаются обвалившиеся дома — один рухнувший дом тянет за собой соседний. И нет возможности восстано-

вить город, хотя бы только остановить разрушение — это не по силам населению опустевшей столицы. Да и нет смысла чинить брошенные дома, содержать в исправности дворцы! Кто в них будет жить? И когда они снова понадобятся? Конечно, кое какой ремонт производится, но очень поверхностно; здесь чинят мостовую, там исправляют канализацию; заново выкрасили Академические театры, но закончить окраску зданий на Театральной Улице не хватило средств и часть улицы тусклая и полинявшая, а рядом другая половина сияет и играет свежими тонами. И днем гуляя по современному Петрограду »о душе задумаешься«, а ночью и подавно!

Магазины открываются в 11 час. утра. По понедельникам в 12-ть. Могли бы открываться и позже. — Все равно продавать некому...

Петроградский порт приведен в относительный порядок, но оживает он очень медленно — слишком ничтожны еще обороты внешней торговли. Как то находясь в порту попал я под проливной дождь. С трудом спасся я, в будке сторожа, от ливня. Кроме сторожа и меня в будке укрылась еще какая то женщина. Она смотрит на свинцовые тучи, на дорогу залитую ежедневными дождями, на затопленную траву. — Дождь да холод, а уж середина лета. Все

изменилось, все по новому, и погода изменилась и жизнь, и люди какие то новые пошли, — говорит она.

— Ну люди то остались прежние, — смеется сторож.

— Ой нет, не те люди, совсем не те, что прежде.

К нам под крышу пристраивается еще какой то рабочий — с виду грузчик. Женщина продолжает *жаловаться на тяжелые времена:*

— Прежде легче было, большевики понаобещали всего, а на проверку вышло, ничего нет.

— Жизнь тяжелая — соглашается грузчик — это верно. Ну да ведь нельзя же все сразу. Переверт то какой!

Музеи, музеи, музеи без конца. Все содержатся в образцовом порядке. Вопреки всем сведениям Эрмитаж не только не разграблен, но сильно пополнен. Все живое, энергичное, что было в Петрограде, в тяжелые годы военного коммунизма покинуло город. Кто перебрался в Москву, кто заграницу. Оставшаяся интеллигенция превратилась в каких то хранителей музев, в лучшем случае, или хранителей своих квартир, в худшем. И материальное положение и моральное состояние остатков петроградской интеллигенции тяжелое. В Москве все как то

сжились с властью, приспособились к ней, у всех уже есть »связи«, протекции, ходы и выходы. Этими »завоеваниями« москвичи очень дорожат, за них цепляются; Москва шумит, торгует днем, веселится ночью. Не то в Петрограде. Здесь провинция, озлобленная, обойденная — вчерашняя столица. Никаких серьезных дел здесь нет, заработать трудно, учреждений, сравнительно с Москвой мало, оклады ниже, все важные вопросы решаются в Москве. Часто утверждают, что Петроград до сих пор остался культурным центром страны. Правда здесь сохранилось еще много профессоров, писателей, художников. Но они не у дел, они представители той старой культуры, которая так явственно уходит в прошлое, а нарождающаяся новая удовлетворяет очень и очень примитивным интересам народа. Академические театры, старые университеты, литературные диспуты — мимо всего этого проходит народ, ищущий знаний, но чисто прикладных, общедоступных, популярных: »Что мы видим на небе«, »Что такое электричество«, »Как варить мыло«...

В Академических театрах, в концертных залах — все своя старая и очень немногочисленная публика. Балет, опера — по немногу превращаются в какие то тепличные растения и хиреют. Выставки картин — крайне редки. Любопытно, что открывшаяся весною в Академии художеств выставка картин объединила художников всех

направлений, и даже эта объединенная выставка посещалась слабо. Кто может, ищет забвения в науке; и надо удивляться, как интенсивно работают русские ученые, несмотря на тяжелые условия работы. Другие ищут утешения в религии; православие уже многих не удовлетворяет — уходят в католицизм. А многие (слишком многие!) принялись за индийских мудрецов в популярном изложении, а то и просто... за верчение столов. Уже появились в Петрограде новые знаменитые медиумы, основываются спиритические кужки, читаются доклады... О всем этом говорят с гордостью, как о каком то духовном подъеме, который не знает Зап. Европа. Но очень скоро убеждаешься, что и этот »духовный подъем« не дает удовлетворения. Нужно ли после сказанного удивляться, что уцелевшая в Петрограде интеллигенция недовольна нынешним положением, что оппозиционный дух здесь виден на каждом шагу. К тому же ужас, страдания которое пришлось перенести петроградской интеллигенции в тяжелые годы гражданской войны до сих пор не изжиты, не забыты. Политические преследования затихают, но под свежим впечатлением этих мрачных лет, под страхом повторения военного коммунизма живет современный Петроград.

Когда то мощная петроградская промышленность ныне в очень печальном положении.

Не только большинство фабрик и заводов стоит, но много предприятий расхищено, брошено на произвол судьбы, а частью вообще исчезло с лица земли. Стоит лишь проехать за Московскую заставу — и перед вашим взором откроется не совсем привычная картина: куда не посмотришь — широкие горизонты; вокруг какие то новые огороды, обнесенные типичными для революционного времени заборами из листов кровельного железа — остатки стоявших здесь некогда домов. Мелькают отдельные полуразвалившиеся постройки, иной раз видны лишь стены, да почему то уцелевшие железные листы. Иду и с трудом узнаю знакомые места — вот здесь когда то был большой завод, а сейчас... детская площадка. А где то заграницей акционеры этого завода спорят о своих правах, продают и покупают акции, строят планы на будущее, в то время как от всего предприятия остались лишь »рожки, да ножки«.

Дачные места вокруг Петрограда понемногу оживают. В хорошем состоянии и населены дачи в Павловске (ныне Слуцк), Вырице, Стрельне, очень много народу в Сестрорецке. За то совсем пусто и разрушено в районе Финляндской жел. дор., поезда ходят редко, станция Озерки более не существует (ветвь на Озерки, Приморской ж. д. ликвидирована). В Шувалове,

Парголове, — полная тишина и пустота; обвалившиеся дачи, а то и просто груды мусора на каждом шагу. Леса вокруг сильно вырублены.

Когда то по Шуваловскому озеру шел пароход. Ныне от всего парохода осталось лишь днище. Сначала был разломан на дрова сарай, в котором зимовал пароход, затем принялись за судно, ободрали парусину, все деревянные части, потом машину, котел...

— Вот здесь когда то была пристань, купальня, — показываю я своему спутнику.

Стоящий рядом крестьянин оборачивается к нам и говорит:

— Мало ли что тут было, золотое дно здесь было, да все своими же руками разрушили! Эх! — и махнув рукой он отошел в сторону.

Вместе с одним приятелем возвращаюсь с дачи в Петроград. На станции садимся в поезд и попадаем в совершенно пустой вагон. Но через некоторое время в вагон входит какая то личность в форменной фуражке и заявляет: — Граждане, прошу пересесть в другой вагон, этот вагон для экскурсантов. —

Мы начинаем протестовать: — Как так? Почему же на вагоне это не написано и раньше нам никто этого не говорил? — Так что раньше

было для всех, а теперь решено, что для экскурсантов. Прошу очистить места.

— И не думал даже, никуда я не перейду — отвечает мой спутник. — Бросьте, уговариваю я его — стоит ли нарываться на скандал, перейдемте в соседний вагон, там есть свободные места.

— Нет ни за что не уйду! Пусть экскурсанты идут в соседний вагон! Прошли те времена, когда каждый красноармеец мог распоряжаться! Теперь не 19-й год! Никуда мы не уйдем и никто нас не посмеет тронуть!

Так и остались и благополучно доехали до Петрограда.

Быстро промелькнуло время проведенное мною в Петрограде. Пора обратно в Москву. Беру билеты и еду на вокзал. Жаль покидать мне Петроград. Так близок он мне, так много воспоминаний связано с ним, но пора! Уезжаю с таким чувством, с каким уходят с кладбища после похорон близкого нам человека.

Вот и снова Москва! На этот раз, не то, что в первые дни — она мне кажется нарядной, веселой, довольной и главное оживленной. Здесь жизнь бьет ключем!

В ясный летний день я посетил Троицко-Сергиевскую Лавру. Сообщение с Сергиевым довольно удобное: поездов много, в пути около 2 часов, вагоны в дачных поездах только »жесткие«, т. е. бывшие третьеклассные. Моими спутниками являются главным образом крестьянские дети, возвращающиеся в деревню, с пустыми бидонами для молока. Настоящей дачной жизни в России еще нет. Обычно снимают не дачи, а лишь отдельные комнаты. В Мытищах, Пушкино дачники вылезли, и дальше поезд шел почти пустой; только крестьянские дети с криком и шумом носились по вагонам, оплевывая все вокруг неизбежными семечками. В окно, как и прежде, видны могучие, необъятные леса...

Сергиево. Конечная станция; поезд останавливается — все выходят из вагона. Иду в Лавру. Уже издалека заметны первые следы »новых веяний« — часть крестов с собора удалена. Вокруг Лавры по прежнему ряд ларьков со всевозможными товарами; Гостинный Двор разрушен. В самой Лавре, помещается Военно-Электротехническое училище, вокруг еще какие то учреждения. Вместо привычных фигур монахов — красные курсанты. Впрочем попадаются и отдельные старики-монахи. Мелькнула даже группа богомольцев; но церкви, часовни, заброшены. Все сколько нибудь ценные иконы и реликвии, перенесены в местный »музей церковный старины«. Около Лавры, как и раньше

стоят несколько извощиков; непонятно только каких седоков поджидают они! Паломничество кончилось и содержатели безчисленных окрестных постоялых дворов живо вспоминают »доброе старое время«, когда гостинницы не могли вместить всех приезжих, когда вся площадь перед Лаврой была один сплошной базар. Да и весь посад, как известно, только и жил богомольцами, а ныне все опустело, замерло. И все население Сергиевского Посада, включая сюда и местных коммунистов, совсем не благодарно советскому правительству за вскрытие мощей и прочие разоблачения!

Иду обедать в трактир на большой дороге. Копеек за 30 золотом получаю суп с лапшой, мясо, хлеб и молоко. Рядом со мной сидят несколько извощиков, едят тоже, что и я. Перед и после еды усердно крестятся, что не мешает им в тоже время читать »Безбожника«, усиленно распространяемого в посаде. Входит газетчик и приносит хозяину »Известия«; извощики принимаются за чтение газеты, а хозяин вступает со мной в разговор:

— Откуда вы будете?

— Из Москвы.

— А из Москвы! Что ж, дела у вас здесь какие есть, позвольте узнать?

— Нет, дел нет, просто так приехал посмотреть на Лавру.

— А посмотреть! Что-ж, дело хорошее; да

только смотреть сейчас по моему не на что. Так, пустота одна.

— Все же лучше стало, чем было два года тому назад.

— Оно конечно легче, спору нет. Но настоящего устроения нет. Торговлю разрешили, а Лавру закрыли, а какая у нас может быть торговля без Лавры!

Расплачиваюсь и ухожу гулять. Сначала в Гефсиманский скит, там еще сохранился в неприкосновенности монастырь; монахов стало как будто меньше и вокруг тишина необыкновенная, но все же монастырь остался монастырем и не превращен ни в военное училище, ни в исполком. Вокруг сохранился чудесный лес. Зато Вифаньевский скит ликвидирован. Правда разрушений там нет, все постройки целы, — но все пусто, вокруг ни души...

Яркое голубое летнее небо, белые стены монастыря, свежая зелень деревьев, рядом неподвижное темное озеро — все точно выхвачено с картины Левитана. И только далекий колокольный звон нарушает тишину...

— Неправду говорят, что »все есть«. В витринах магазинов все есть, а как пойдешь покупать — ничего не достать: или размер не такой, или просто »шесть лет уже, как не

имеем...« Так жаловалась мне одна знакомая. И в этом есть известная доля правды. Захотелось мне купить себе кружку, думал, что дело несложное, а вышло иначе. Сначала зашел в один, другой московский магазин — ответ получил неожиданный — не делают теперь кружек! Возьмите чашку! Впрочем, в одном из магазинов мне нашли и кружку — белую, грубой работы, а хотелось что нибудь повеселее. Решил сделать покупку в Твери. Пошел на базар: перед несколькими лавками, прямо на земле разложены груды посуды: тарелки, чашки, миски, кастрюли, лампы — все, что угодно, только не кружки! Решил попытать счастье в других городах Тверской губ. Увы!

— У нас народ бедный, не до кружек ему теперь; вот стаканы есть...

Несколько озадаченный вернулся в Москву, но собираясь в Сергиев Посад, подумал: »там то уж, у местных кустарей, найду обязательно!« Не тут то было!

— Кружку? Давно их не имеем! Вот разве что в Москве! А мы не держим! Поищите в Москве.

Так и сделал. Пошел на Сухаревку, обошел ее вдоль и поперек и нашел! Да еще какую! С изображением Ленина (с лицом Чингисхана!), с надписью: »пролетарии всех стран соединяйтесь!«

Вся Россия хворает сейчас двумя болезнями — малярией и страстью к изобретениям. С первой эпидемией борется, и довольно успешно, наркомздрав, против второй заразы, к сожалению, никакой из наркоматов не выступает, наоборот — зараза проникла в самые верхи. »Народ« изобретает в первобытном виде то, что уже давно изобретено. Так например, один крестьянин »изобрел« деревянный велосипед! В заметке в »Известиях« по поводу этого изобретения говорилось, что изобретатель никогда в натуре не видел велосипеда и построил его таким, как он представляется по рассказам очевидцев (!) и на картинах. Различные технические комитеты завалены проэктами электровозов, подводных дредноутов, летающих автомобилей и т. п. Из этих проэктов 99 % — безграмотный бред.

В области искусства страсть к изобретательству выражается в т. н. »трюкизме«, т. е. в попытках создать что то новое, во чтобы то ни стало. Сюда нужно отнести и пресловутый московский »персимфанс« — первый симфонический ансамбль, т. е. оркестр без дирижера. Сущность этого »изобретения« заключается в том, что прекрасный, давно сыгравшийся оркестр оказался в состоянии без дирижера, не слишком часто расходясь, исполнить ряд хорошо известных оркестру, заигранных вещей. Защитники персимфанса говорят: в России нет сейчас хороших дирижеров; но лучше слушать

вещь совсем без дирижера, чем под дурным управлением! Что на это можно возразить?

»Верхи«, наряду с пресловутой электрофикацией России в десятилетний срок, увлекаются Курской магнитной аномалией, т. е. открытием местонахождения железной руды в Курской губ. Точно эта руда, находящаяся на большой глубине, может иметь какое нибудь практическое значение для России, обладающей неисчислимо-богатыми залежами руды на юге, в Кривом Роге, на поверхности земли!

Блокада торговая, а главное духовная, в оковах которой в течении многих лет истощалась Россия, крайне пагубно отразилась на культурном состоянии страны. Об европейской жизни приходится порой слышать самые дикие суждения. Коммунисты из Кремля интересуются лишь революционным движением в Европе, но рядовые коммунисты, люди от станка — с жадностью распрашивают про европейскую жизнь, про успехи техники (убеждены, что в каждом доме имеются радиотелефоны!), про промышленность. Пришлось мне несколько раз беседовать с видными провинциальными деятелями — коммунистами, вчерашними рабочими. Встречают радостно, слушают внимательно, с живейшим интересом:

— Ну вот, вы приехали прямо из за границы, расскажите нам, что на свете делается, ведь мы здесь живем в глуши, от всего отрезаны.

— Но ведь читаете же вы газеты?

— Читать то читаем, да толку в них мало. »Известия« редко видишь, а наши местные — одна тоска!

И действительно, провинциальные газеты ниже всякой критики. Они прежде всего органы пропаганды, а не осведомления, и поэтому чисто фактический материал отнесены куда то на задворки, а то и просто выбрасывается. Взамен читателей кормят безконечными передовицами со многочисленными восклицательными и вопросительными знаками и непечатными выражениями. Нужно ли после всего этого удивляться, что события последних лет прошли мимо моих собеседников: Версальский мир, германская революция, образование новых государств — обо всем этом имеются лишь очень приблизительные сведения.

Переходим к русским делам, беседуем о коммунизме. И что же? Без труда убеждаюсь, что мои собеседники, искренно считающие себя правоверными коммунистами и готовые бороться за коммунизм до конца, об этом самом коммунизме имеют весьма превратное представление!

Если не принимать непосредственного участия в строительстве России, скажу прямо, не участвовать в правительственной работе — жить в советской России томительно скучно.

Не надо удивляться, если многие, слишком многие, до сих пор еще стремятся покинуть Россию; Европа в их представлении все еще старая, до-военная Европа, благоустроенная, где жизнь культурна и дешева, науки и искусства процветают... С другой стороны Россия 19—20 гг. все еще не забыта, да и не может быть так скоро забыта.

Но уже встречаются лица, посетившие недавно Германию, Францию, Англию и возвращаются они в Москву разочарованные западом и примиренные с С. С. С. Р.

Один знакомый говорил мне: — У вас за границей забывают, что мы уже шесть лет живем под властью советов; подростает поколение, для которого именно сов. строй, с его циками и исполкомами, Р. К. П. и Г. П. У. — нормальная жизнь, а царь, дума, помещики — бабушкины сказки!

Немногочисленные адвокаты, занимающиеся еще практикой — ныне правозаступники — из юристов превратились просто в каких то ходатаев. Сейчас ценятся не юридические познания

и даже не ораторское искусство, а связи в соответственных учреждениях и, конечно, прежде всего в Г. П. У., знание всех ходов и выходов.

Ловкие правозаступники имели солидную практику и зарабатывают большие деньги. Но и на солнце есть пятна. С одним из знаменитых петроградских правозаступников произошел такой случай: в квартиру к одному лицу вселился совершенно незаконно рабочий, да еще стал распродавать чужую обстановку. Владелец квартиры обратился к правозаступнику; тот ознакомившись с делом нашел все очень ясным и бесспорным и заявил, что дело выйграно. Не тут то было. Сначала в Народном Суде действительно все шло очень гладко для истца, но вдруг один из свидетелей заявляет, что истец генеральский сын! Моментально настроение суда меняется и дело решается в пользу рабочего. Мало того, суд привлекает к ответственности адвоката, за то что тот с корыстной целью взялся за ведение такого анти-пролетарского дела. Адвоката судят и присуждают к двум годам принудительных работ! Конечно, два года адвокат не сидел, к нему была применена амнистия и он очень скоро снова гулял на свободе и выступал на судах.

Меня постоянно занимала одна мысль: лучше или хуже прежнего живется сейчас в России городскому населению? И очень скоро пришел к

следующему, для меня лично несомненному, выводу: интеллигенции хуже (она пока еще не у дел, от одних отстала, к другим не пристала), мелким торговцам, ремесленникам — также как и раньше; рабочим, особенно квалифицированным — определенно лучше. Как никак, перед ними сейчас все открыто — театры, библиотеки, школы (вплоть до высшей!); с рабочими сов. власть очень и очень считается, все, что в ее силах, для рабочих делает; особенно много внимания уделяет рабочей молодежи: постоянно организуют лекции, собеседования, экскурсии. Больных летом бесплатно отправляют на курорты. И поскольку рабочие имеют работу и не состоят в рядах безработных они стоят за сов. власть.

А деревня по прежнему прозябает в нищете и невежестве . . .

Моему пребыванию в С. С. С. Р. приходит конец. Вспоминаю, как в первые дни по приезде в Москву тянуло меня обратно заграницу . . . А вот теперь, через семьдесят пять дней, проведенных здесь, мне совсем не хочется уезжать отсюда! Я снова привык к России.

Но ничего не поделаешь, пора! Беру билет и трогаюсь в обратный путь, опять на Ригу. В поезде замечаю некоторые перемены: вагоны заново отремонтированы и очень чисто содержатся;

состав пассажиров тоже другой — в Москву со мною ехали главным образом иностранцы да сов. курьеры, а теперь почти исключительно обыкновенные сов. граждане, едущие в Зап. Европу »проветриться«.

Быстро проходит путь до границы. В Себеже такой же осмотр, как и при въезде в Россию. Еще немного и я снова в Латвии. Латышская охрана входит в поезд и... отбирает у меня все сов. газеты и журналы; пробую протестовать, но безуспешно. Взамен покупаю себе на станции зарубежные русские газеты. Читаю »новости« про Москву, Петроград... Очень интересно, но только все это в действительности совсем не так, не хуже и не лучше, а просто совершенно иначе...

Такой страны, какая изображена на страницах этих газет — не существует.

СКЛАД ИЗДАНИЯ КН. МАГ. »МОСКВА«
Адрес: Russischer Buchhandel, Heinrich Sachs A.-G.
Berlin SW 48, Wilhelmstraße 20.

2015210619